

Сергей ТРАФЕДЛЮК

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЛОТОС

***

И тогда, окинув взглядом обезглавленный монолит розового мрамора,
замыкающий вход в наш одомашненный сквер,
узнав всех прильнувших к нему безымянных героев,
что взбежали на три ступени над уровнем забвения,
я соберусь с духом
и выберу Великую Историю Повседневности,
оставив безумцев штурмовать пантеон

Потому что верую,
насколько хватает глаз
(а хватает на рожицу тренажёров посреди пятиэтажности,
на балку с коралловой башней электропередач
над слоями гаражного рифа,
на дробление огней по фасаду далёкой гостиницы,
что незаметно переходит в морскую рябь,
и над всем и всеми – небо в пятнах Роршаха)

потому что верую,
что пока гудит вытяжка и янтарные капли жира переливаются на плитке,
пока слышен хруст корма и собачья пасть пахнет пряной гнилью,
пока музыка движется в плейлисте по неведомой траектории
и надувается кожа алоэ,
пока мы с тобой сочиняем перед сном бесконечную сказку под названием
«Ларёк с видом на вселенную»

и время наплывает и уходит куда-то,
как волна, набежав, поглощает гальку,
а потом опадает и пропадает в ней

да, я верую, что пока всё так,
плитка крепка под пустым пьедесталом,
а парк остаётся парком,
и монолит не спасёт никого,
ну разве что в жаркий июльский день – женщину с охапкой пакетов,
решившую перекусить капустным салатом из супермаркета
в теньке на ступенях

Сергей Трафедлюк родился (1986) и живет в Севастополе. Окончил филологический факультет Черноморского филиала МГУ им. Ломоносова. Публиковался в изданиях «Знамя», «Сибирские огни», TextOnly, «Полутона», «ХИЖА» и др.

И так благодатна тень,
что она съедает
все 200 с чем-то там грамм
и сама себе говорит:
здесь так хорошо, боже мой,
не достать ли ещё виногрет?

***

Купить магазинчик сантехники и бытовой мелочевки он всегда считал не самой амбициозной, но безопасной идеей. Малому человеку малый бизнес – так он это сформулировал. На витрину, мимо которой проходили спящие обитатели спального района, он выставил таблички с любимыми цитатами, а между табличками – горшочки с крохотным плющом. Получилось достоверно.

*«Богатым нужно уметь стать, а бедным может быть каждый»
Автор неизвестен*

Если бы в его магазине был сейф, он сложил бы в него воспоминание о том, как в 7 классе незаметно зашёл в туалет для девочек и прогулял два урока, запервшись в кабинке и слушая звуки, до которых не мог дотронуться.

*«Школа стоит денег, но ничто не может так воспитать человека»
Бенджамин Франклин*

На его макушке росла родинка, которую мама называла божьей коровкой, хотя наминала она скорее шляпку мясистого гриба. После развода родителей и переезда он стал носить бейсболки, под ними волосы напоминали истоптанный осенний газон.

*«Важно не то, что у вас есть, а то, что вы с этим делаете»
Автор неизвестен*

По-настоящему запил он только раз, когда Марта уехала в другой город к незнакомцу. Через две недели она вернулась. Месяц они спали в разных спальнях и не разговаривали. Только спустя десяток лет, после заурядного домашнего воскресенья со знакомыми, она призналась, стоя спиной к нему и вытирая посуду, что смогла заговорить с ним только после того, как сделала аборт. В тот вечер была его очередь читать спальную сказку сыну, и он дочитал оставшиеся 9 глав без пауз.

*«Легче зажечь одну маленькую свечу, чем клясть тьму»
Конфуций*

Первый раз он почувствовал это, когда пошёл на работу продавцом в магазин у дома: время сегментируется на часы. Как спокойно знать, что вместе со стрелкой ты движешься по кругу познаваемого быта. Писк сканера напоминал ему ритм кардиограммы.

*«Я не трудился в своей жизни ни одного дня. Я только получал удовольствие от работы»
Томас Эдисон*

Когда Юра закрыл себя в туалете в ресторане, он сначала смеялся, потом, когда понял, что под перегородки не пролезть снизу, а сверху слишком узкая щель, испугался, что сейчас каким-то невозможным образом не сможет попасть к сыну. Никто не знал, как открыть дверь, Юра орал во всю силу, вышибать дверь казалось опасным (он будто видел, как дверь с размаху расшибает маленькую голову). И он полез наверх, втискивался в узкую щель под треск рубашки. В этот момент, застряв под потолком, под него-дующий крик Марты, он снова стал смеяться, как ненормальный. Но чувствовал себя нормальным как никогда.

*«Действие – настоящая мера интеллекта»
Наполеон Хилл*

Марта была очень набожной, но никогда не навязывала ему своего строгого и до-тошного хождения в храм. Когда ему было 32, он проснулся, посмотрел на часы – было 2:41 ночи – пошёл попить на кухню и впервые попросил о чём-то Бога: никогда не да-вать ему выбора, убивать или нет ради собственного спасения.

*«Когда вы знаете что-либо – смело отстаивайте это, когда вы не знаете чего-либо – спокойно признавайте это. Вот где истинное знание»
Конфуций*

В фотоснимках всегда были неправда (цвета не те, что в жизни) и недостаточность (они только напоминали о вкусе жизни, но оставляли горькое послевкусие). Чем меньше фотографий, тем меньше вещей заслоняет настоящее, вечное прекрасное сегодня и сейчас. Он никогда не играл в лотерею и не думал о том, что случится после смерти.

*«Оптимизм слеп, пессимизм горек»
Жан Кокто*

Взгляни на него через солнечную пыль стекла: вот он выкладывает удлинители на прилавок, и вдруг чувствует что-то, что сильнее его. Оглянувшись по сторонам (никого нет, не бойся), он подходит к одному из стендов, крепко прижимается спиной и чешется вверх-вниз, вверх-вниз, как слон о ствол дерева. Прямо сейчас он испытывает безмысленное блаженство.

*«Жизнь похожа на такси, вы можете быть водителем или пассажиром. Выбор за вами»
Роберт Кийосаки*

Нет, как будто всё ещё проще. Жизнь – это чередование растений и слов, растений и слов, просто чередование растений и слов до тех самых пор, пока не настанет черёд кого-то ещё.

***

В тележку из супермаркета она загрузила всё, что смогла распихать по оранжевым сумкам

Целая гора одутловатых переспелых мандаринов с вмятинами – так и хочется раско-вырять

Урожай жизни собран так некстати, до срока

И вот она идёт через дикий парк, и парк всё не может решиться: одичать в лес или остаться в уме?

Несколько часов или дней колёсики прыгают и заваливаются в колдобины – асфальт вспучился мускулами корней и держится из последних сил

Из всех дорог только эта кажется знакомой, – думает она и выходит на лужайку

Администрация парка поставила здесь два деревянных лежака, а между ними покосившийся железный столик – если какой-то безумец донёс бы сюда коктейль, то его можно было неспешно выпить

Незаслуженная чистая поляна с щетинистым бодяком на висках

Она ставит тележку у лежака и вытягивается на нём во всю усталость

Жарко, не меньше 30 градусов, и впереди долгий путь

Она снимает футболку цвета хаки, стягивает выцветшие бриджи и распускает живот

Ветер искушает, и вот на траву ложится пожелтевший от пота лифчик

Тихая грудь посреди текущей в никуда зелени

Так проходят новые часы и новые дни

Так много часов

Так много дней

Что она успевает вспомнить

Всё здесь создано для меня, – думает она и тянется рукой в нежность травы, чтобы нащупать высохший лифчик, провести пальцами по его изношенным косточкам

***

В одиночной аллее рядом с трамвайной тропой
приземлился ковёр-недолёт
за скамейкой притих ковёр-невелик

будто выполз из соседнего дома растоптанный
еле живой
в лопнувших весь капиллярах

А на нём под сизым засаленным одеялом

спите вы
спите вдвоём обнявшись
скрутившись в чёрствый кренделёк
валяетесь выкинутые
лежите усталые
посреди одиночной аллеи

Укрываетесь не от холода больше
а от жизни
самодовольно копошащейся в своём выдуманном порядке

Хорошо дышать вялым телом под спёртым саваном
хорошо обманывать всех вокруг

Там внутри ты сжимаешь её сломанную лапу
с нежностью жены
уходящей вслед за фараоном
что ведёт за собой широким обманывающим жестом
сонм тварей земных:
и стражника и коровку и ребёнка и котёнка

В новом царстве никто вас не разлучит
и никто не указ вам лежать за скамейкой до тех самых пор
пока земля не споткнётся
о небесный бордюр

что-то треснет – и узоры зодиака сдвинутся с места везде
кроме ковра за скамейкой
и звёздное крошево посыпется в ваши
замороженные рты

Зинаида и Валентина

На втором этаже на окне белой краской написаны две кривые буквы

Под одной сидит Зинаида

Под второй сидит Валентина

На двоих 148 лет, и не собираются останавливаться, будто склеены в зародыш долгожителя

Зинаида отвечает Валентине:

– Ты вот что, не перебивай. В 6 лет он играл с другими мальчишками и забрался в куст ежевики, толстые жала впивались в его голые плечики и худосочные ляшечки, но он, представляешь себе, продирался всё глубже, и никто его так и не нашёл, пока ночью во дворе не раздался плеск – бледная мать выскочила из дома и выдохнула разом всю ярость: он сидел в ливневой бочке весь в черных дырочках, как если бы его искусили звёзды

Валентина отвечает Зинаиде:

– А я тебе говорю, что в 13 лет он, бесценная моя, втиснул тощей задок в шину, болтающуюся на верёвке, просунул ноги вперёд, а торс торчал с другой стороны – как если б его перекусил чёрным ртом прозрачный червь, и так он раскачивался над пустынным озером посреди лесочка по соседству, туда-сюда, туда-сюда, и тут, несчастная ты моя, голова его с треском ударилась о ствол, а сознание вылетело и уселось на дереве поблизости наблюдать, а он чудом повис в шине, а в воду падали только комья крови, и глупые рыбки птенцы всплывали из глубины и глотали их, пока он не пришёл в себя и не шлёпнулся и не поплыл среди рыб как равный

Зинаида отвечает Валентине:

– А ты дай мне сказать, и сразу всё поймёшь. В 21 он сбегает вместе с девушкой на дюны рядом с холодным морем. Стоит недолгое лето, они оказываются одни посреди длинной полоски летучего песка и тут же раздеваются догола, бросают одежду где попало и бегут, бегут себе, как две стриженные собачки, падают и кувьркаются, встают и валятся снова, пока ноги вязнут и вылетают из песка, как лёгкие стебли без корней, и вот наконец девушка падает и больше не хочет подниматься, а он уже давно хотел бы остановиться и забыть о всей этой монотонной красоте. Но тут – как так, представляешь себе, – укол и боль, он поднимает ногу и видит на ступне кривой разрез. «Что ты будешь делать с этим?» – спрашивает она. «Да что угодно. Что захочу – то и буду», – говорит он и больше не видит вокруг ничего, кроме её загорелого тела.

Валентина отвечает Зинаиде:

– И всё-таки я скажу, хоть ты и перебиваешь меня постоянно. В 27 он знакомится с местной художницей, ну, она уехала уже давно куда-то в Европу. Ты же знаешь этих художников, родная, они все хотят одного – раздеть тебя и заставить мёрзнуть, а сами смотрят и рисуют, смотрят и рисуют. Эта поначалу казалась приличной, но спустя пару встреч приглашает его в мастерскую. Он заходит и видит своё обнажённое отражение, только нет там никакого зеркала и никто – поверишь ли? – не раздевался. «Ну как тебе картина?» – спрашивает художница. – Мне чуть-чуть осталось. Назову её “Патриот”. Видишь, – говорит, – на нём ни одежды, ничего нет, только рука защищает сердце». «А почему, – спрашивает он, – ты нарисовала его только по шею? Почему шея упирается в верхний край?» А она ему: «Так тебе же лучше знать». Вот так, родная моя.

Зинаида отвечает Валентине:

– Да всё ты врёшь, совсем не так было. Он спросил её: «Что же ты со мной сделала?» А она: «Освободила тебя». «Нет, что на самом деле ты сделала?» И вот тогда, представляешь себе, она развела вот так руками и вздохнула: «Освободилась».

Обе замолкают и смотрят в окно, где слабо различимые силуэты плывут по проложенным маршрутам. Наконец одна отвечает другой:

– Всё это, конечно, интересно, но ты, родная моя, не забывай, что уже появился на горизонте день, в котором мы едем по железной дороге в открытом грузовом вагоне, пока между скамеек под ногами дрожат ветки и уголь, мы едем и едем и наконец дорога выползает прямо к океану, худосочные песчаные дюны вылизывает глубокая вода,

подсвеченная в верхних слоях до голубизны, и всё побережье, представляешь себе, истыкано соснами. Мы сходим на станции, тащимся мимо будки смотрителя – он сидит на стуге, спрятавшись за огромной козлиной попоной, и заводит по громкоговорителю то сирену, то просьбу заменить его, боже мой, на этом посту, тащимся мимо кассы с женщиной, сморщенной и окружённой выдвигаемыми ящиками с ярлыками, – она пытается объяснить горстке пассажиров в сальных пальто, через сколько часов ближайший поезд – ну хоть какой. Но мы идём мимо, хорошая моя, прямо к океану, в котором то тут, то там болтаются люди – по одиночке и целыми семьями. А вообще они не то что болтаются, скорее стоят на одном месте, их головы как птицы, усевшиеся на воду, позволяют волнам трепыхать их ленивые мысли туда-сюда, туда-сюда. И мы с тобой, представляешь, качаемся недалеко от берега, а потом подплываем к пучку сосен, волны накатывают и покрывают их ноги целиком. Мы забираемся в укромное местечко между стволами, от ударов прибоя на нас сверху что-то падает, мы поднимаем головы и видим, что эти сосны, как и все другие, лишены хвои, только узлы шишек повсюду. Всё качается вода, туда-сюда, туда-сюда, и каждый раз, добираясь до наших тел, теряет всю внутреннюю черноту и становится просто солёной тяжестью, мы держимся за стволы изо всех сил, упираемся ногами в вязкий песок, чувствуем, как то ли песчинки, то ли рыбки щиплют ступни, а иссушенные шишки всё падают и падают на наши головы. Я уже не помню, что мы тут делаем, уже не помню, как тебя звать и кто ты такая вообще, я помню только длинную монотонную дорогу в грузовом вагоне, сквозь тоннели и через мосты, вдоль океана, всегда вдоль океана, и знаешь, хочу тебе сказать, я всё-таки рада застрять с тобой один на один среди этих чёрных сосен. Почему-то мне кажется, что тут нам наконец хватит времени на всё.

У Пальча

Спустя неисчислимый слой лет после закрытия

я захожу в пельменную «У Пальча» на улице Ленина

Тут ничего не изменилось

Я всё так же собираюсь заказать пельменей, но боюсь положить хоть один в рот

и всё так же меня встречает только жужжание ламп под потолком

Ничто не шевельнётся, когда я сажусь за столик

Нелюдимый полумрак

Но тут боковым зрением я улавливаю бледный блик слева

Из-за плеча ко мне прижимается длинный аквариум, а в нём плавают топлёно-белые жабы

Кто забыл их выловить во вчерашнем бульоне?

Ко мне они испытывают не больше интереса, чем липкая клеёнка и стреко-чущий свет и Пальч, растворившийся в интерьере

Кроме меня, тут ничего не изменилось

На этот раз я не взбегаю по лестнице прочь из мутного подвала и наблюдаю за апатичным вращением жаб

Проходят минуты, минуты, часы, часы

и наконец жёлтый ил начинает оседать

а слепые глаза судорожно фокусируются на мне

Возможно, им начинает казаться, что впервые за вязкую муть непрерывно длящегося мгновения

аквариум расширился и вобрал в себя нечто большее

или оказался не таким уж замкнутым, а может, и не таким бесконечным

Как же такое возможно?

Ну вот так, например

Жабы всё ближе и ближе ко мне, и вот я начинаю различать их приплюснутые прекрасные лица

И не просто различать – я узнаю их:

лица тех, кто пел в тупике разбитой набережной и трусливо уплывал к другим берегам, утопая в диване

тех, кто, как вол, возделывал сад и ничего не мог поделать с жестокой не-взаимностью жизни

тех, кто бежал, сломя голову, через посты и границы, пока тело покрывалось рубцами

тех, кто прислонился к стеклу троллейбуса, пока он совершает и совершает бесконечный, тянущийся дольше всего на свете поворот направо, к очередной площади

тех, кто жил, жив и только собирается жить, чего бы это ни стоило и сколько бы ни переполняло мир каплями боли

Пленники и пленницы Палыча

ваша кожа вот-вот лопнет от полноты невидимой крови

так что пора, пора

Стекло аквариума истончается и перестаёт разделять всё на свете

так что подвал и улицу Ленина и все промежутки до самой макушки городского холма и весь помутневший от засвета воздух

заполняют жадные

необратимо родные глаза

вылепленные из любви

ослеплённые вспышкой встречи

***

Никто не понял, куда пропал ветеринар Смертин
Просто в какой-то момент посреди октября он не пришёл в клинику
и с тех пор регулярно перестал в неё приходить

Давным-давно, до того как отдыхающие отрасли лёгкие и выползли на сушу,
он лечил от чумки собаку Броньку,
и тогда я не догадывался о его фамилии

Луна начинала морщиться с одного бока, в кратерах зарождалась гниль,
на гугл-картах что-то росло и мутировало, как в чашке Петри,
а ветеринар Смертин переехал в собственную клинику на краю ойкумены

Он не любит принимать по выходным, потому что набегает орда безумцев, чтобы подрезать когти спицам

Он всегда говорит быстро и с нажимом, будто лепит из теста очереди человеческие пирожки: «Следующий, проходите, пожалуйста»

Иногда мы с большой осторожностью пишем ему в личку ВКонтакте (там он скрывается под ником из нулевых) – он всегда отвечает
Может, и сейчас бы ответил, но боязно проверять

Кто бы ни спросил в клинике, где Смертин, ему отвечают: будет через месяц
И так весь октябрь, весь весь ноябрь, весь декабрь, весь январь
Есть что-то правильное в этой предсказуемой неопределённости

Есть что-то правильное во всём, что происходит от прогулки до прогулки,
от прививки до прививки,
от розового носа до хвоста

Смертина нет

Но рано или поздно этот бесконечный месяц
неожиданно кончится
и Смертин придёт

И тогда кому-то обязательно станет легче –
хоть на один отчищенный коготок

***

Когда снег начал медленный спуск
по невидимому лабиринту

я подошёл к прилавку
под тяжёлым, как взгляд, навесом
и спросил:

– Почему же вы не укрыли младенцев
одеялами?

Только тут я и понял:
это мёрзлые курочки
лежат рядком

Ну и как отличить их озноб
от озноба рынка?

Но ты
вопреки огромной реальности
размотала флисовый платок и укрыла их окоченелые тельца

– Ну а как же ты и твоя поясница?
Чем согреешься –
ни одна же стена не спасёт
от повсеместной метели?

– Я дождусь апреля,
когда он там ни наступит.
И они никуда не денутся.
Да, малыши?

Да – отвечают курочки
из-под корки молчания

Да – отвечают голенькие
и перьями шевелят

***

Признак того, что я прихожу в себя:

хожу по неродному городу, и городские сумасшедшие кажутся родными,
в абракадабре их жизненных выборов прощупываются рёбра,
и ни одно не сломано

Дед, чья голова в ковбойской шляпе с огромным пластиковым цветком лотоса
вырастает из горнолыжного дутого костюма, будто набитого унавоженной землёй

Мужик, деловито курсирующий по улицам на велосипеде с бройлерной курочкой на руле

Рыжая дворняга в парке – она лает на черепах в пруду, а потом ложится около пальмы и заворожённо смотрит вверх, но там, среди высокомерной листвы, никогда никого нет

Я видел каждого из вас, неприкаянные гении места, собрал вас, как ачивки в игре, но не узнаю в вас себя

Однажды вы нашли сокровенный воображаемый кристалл и вступили на великий путь повторений – и так избежали растворения

Когда в город войдёт большая вода, утягивая в вихрь лица и слизывая их черты, вы одни будете крепко держаться за то, что все вокруг считали непозволительным безумием

А после, когда водовороты утихнут,

на блаженной поверхности снова распустится

человеческий лотос

•

***

В нашей ванной есть два света: маленький и большой.

Маленький – тонкий брусочек над умывальником, растекшийся желток над мокрой скорлупой. Свет для застывшей в нерешительности книги. Свет долгожданного объятия перед сном.

Большой – сплошной белок, затекающий под брюшко унитаза, в пазы кабинки, под закрытые глаза. Свет, замещающий солнечный. Свет, притворяющийся, что его как такового нет, что он и есть мир.

Заходя в ванную, ты всегда включаешь маленький свет и оставляешь его гореть, когда уходишь. А я всегда включаю большой – и гашу его, выходя.

Иногда случается так, что я не замечаю, что ты была в ванной, и включаю большой свет. И тогда горят оба света, маленький и большой. И маленький как будто не виден, растворён в массе большого.

Но потом я выхожу. И выключаю большой свет.

А ты – всё так же там, в темноте.

Крохотный слиток терпеливого ожидания над зеркалом, по которому отпечатки расходятся рябью и исчезают сами собой.